

Этой ночи было суждено стать богатой на события.

Едва Линь Уцзю отворил дверь камеры, как увидел вдали тусклый свет качающегося фонаря. Лучи прожекторов со сторожевой башни как раз скользнули по лестничному пролёту, заставив выгравированные на ступенях золотые соляные знаки вспыхнуть подобно расплавленному металлу.

Отец Луи медленно спускался, неся в руке лампу. Он шёл не торопясь, направляясь напрямиком к юноше.

Линь Уцзю прислонился к дверному косяку и, скрестив руки на груди, молча наблюдал за приближением священника. Тот остановился в паре шагов.

Он чуть приподнял газовую лампу. Верхняя часть его лица осталась скрыта густой тенью, и лишь в неверном желтоватом свете была видна застывшая на губах мягкая, благообразная улыбка.

— Уже так поздно, — кротко промолвил он. — Почему ты ещё не спишь, дитя?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Линь Уцзю.

— Иоланды нет на месте, — отец Луи мельком заглянул в соседнюю камеру. Там царила непроглядная, глухая темень, словно в логове затаившегося зверя.

— Возможно, она просто спит, — безучастно отозвался юноша.

— Она получила тяжёлые раны. Ей необходимо исцеление.

— И вы пришли, чтобы её полечить?

— У неё слишком предвзятое отношение к моей скромной персоне, — со вздохом произнёс священник. — Я всеми силами пытаюсь проявить к ней милосердие, но, увы... Полагаю, она слишком труслива. Проведя слишком много времени в объятиях тьмы, начинаешь бояться чистого света.

Линь Уцзю почувствовал, как в нём закипает раздражение.

Эта женщина не была ему близким другом, а у него самого имелись дела поважнее, чем выслушивать приторные наставления и пустую софистику этого человека.

Бросив короткое, холодное «ясно», юноша развернулся, намереваясь уйти.

Но в тот же миг мир вокруг него затопило ослепительное белое сияние. В груди взорвалось неведомое прежде чувство легкости и ликующего восторга. Тьма отхлынула, точно морской отлив, и сияющий мир распахнул перед ним свои нежные, исполненные любви объятия.

Под ногами зацвели пышные лилии, васильки и вербена. Где-то послышались чарующие звуки арфы — кто-то перебирал струны, приближаясь к нему сквозь море цветов.

Это был ангел.

Его чело венчал венок из золотистых трав. Облачённый в белоснежные, незапятнанные одежды, он величественно ступал по траве, волоча за собой длинные перламутровые крылья. Лик существа был исполнен неземной красоты и чистоты, обладая магической силой, способной заставить забыть о любой боли и печали.

Глядя на него, Линь Уцзю ощутил лишь чистую, незамутнённую радость, словно он погружался в океан бесконечной любви.

— Иди со мной, — ангел протянул ему руку, и от этого жеста исходило тепло святого света. — Я отведу тебя в чертоги Господа, где ты познаешь блаженство, какого не ведал прежде.

Линь Уцзю покорно протянул руку и, ведомый ангелом, пошёл к источнику ослепительного сияния.

Сделав триста пять шагов, ангел обернулся и заключил его в объятия.

— Ты само очарование, мой милый.

Зрачки черноволосого мальчика расширились. На его лице проступила блуждающая улыбка, а голос зазвучал отстранённо, точно бред спящего.

«Мне всегда претил этот эпитет»

Луи, не обратив внимания на его слова, склонился, чтобы поцеловать юношу, но внезапно замер.

Что-то холодное и твёрдое упёрлось ему в грудь.

Взгляд мальчика оставался туманным, расфокусированным, а на щеках играл лихорадочный румянец. Он так кротко позволил увести себя в мир грез, так послушно прильнул к нему —

если не считать револьвера, дуло которого теперь вжималось в грудь священника.

Тот не мог поверить своим глазам.

Он наводил справки. Лэнс Кавендиш был обычным человеком, лишённым и капли магии. Он никак не мог сопротивляться внушению. И всё его поведение до этого момента свидетельствовало о глубоком трансе...

Этот хрупкий, красивый ребёнок обладал силой воли, превосходящей всякое воображение.

— Плохой мальчик. Что ты делаешь?

Луи усилил поток магической энергии. В его глазах закрутились колдовские фиолетовые вихри, способные без труда затянуть в себя душу любого смертного.

— Разве ты не хочешь попасть в райские сады?

Юноша чуть склонил голову набок, его пустой взор медленно сфокусировался на какой-то точке в воздухе, а на лице отразилась аура первозданной невинности.

«Райские сады... Но ведь я и так в них. Правда, мама?»

Поражённый священник резко обернулся, но, разумеется, ничего не увидел. Его магическое чутьё также подсказывало, что за спиной пустота.

На лбу мужчины выступил холодный пот. Его былая уверенность в одночасье испарилась. Он наконец осознал: происходит нечто необъяснимое и пугающее.

В тишине раздался звонкий смешок мальчика.

— Знаете, я с самого детства вижу странные вещи. Одни похожи на демонов из преисподней с клыкастыми пастями, другие — на костлявых жнецов с огромными чёрными крыльями. А некоторые выглядят как обычные люди... Порой я болтаю с ними, играю, завожу дружбу. Порой они преследуют меня, рыча от желания сожрать заживо. Иногда мне являются причудливые пейзажи, и шепот, звучащий отовсюду, манит меня ступить на тропу, ведущую в иные миры. Мама говорила мне, что это жители страны мёртвых. Она наказывала мне...

В темноте послышался сухой, отчётливый щелчок.

Вихри в глазах Луи на мгновение замерли. Это был звук взводимого курка.

— Нет! Стой! — он окончательно утратил самообладание. Его губы дрожали, а в голосе слышалась паника. — Я приказываю тебе! Брось оружие!

«Никогда не верь ни единому их слову. А если не сможешь избежать встречи — убей их»

Луи прервал заклинание и попытался силой вырвать револьвер из рук мальчика. Для взрослого мужчины это не должно было составить труда, но в этот ужасающий миг он с отчаянием осознал, что полностью утратил контроль над собственным телом.

Его мышцы стали холодными и окоченелыми, точно у ледяного изваяния. Он согнулся пополам, и из его рта хлынула кровь. Внутренности скрутило от невыносимой, раздирающей боли.

Он хотел закричать, позвать на помощь, но не мог даже разомкнуть челюстей.

«В контракте не было ни слова о том, сколько тебе суждено прожить, — в его сознании прозвучал мелодичный, но совершенно незнакомый девичий голос. — Хи-хи-хи! Подписывая бумаги с дьяволом, нужно внимательнее читать мелкий шрифт»

Последним, что запечатлелось на сетчатке Луи, была восторженная и безумная улыбка мальчика, палец которого плавно нажал на спусковой крючок.

«Мама говорила, что я страдаю шизофренией, а значит, убийство не считается преступлением»

Линь Уцзю уклонился вправо, и обмякшее тело, лишившись опоры, с тяжелым стуком рухнуло на пол. Рука юноши, сжимавшая оружие, медленно опустилась; мышцы ныли от резкой отдачи.

Лицо снова было забрызгано кровью. Да и одежда тоже.

«Похоже, костюм безнадежно испорчен. Жаль, мне нравилась эта рубашка. Шёлк отличной выделки, дорогая вещь»

Линь Уцзю снова вспомнил об отце.

Он уже не мог воскресить в памяти черты его лица и даже забыл имя. Но образ его всё равно часто всплывал в мыслях. Ведь тот был первым, кого он лишил жизни. Он ведь плакал, он молил его перестать бить его и маму... Почему же отец не слушал?

Хорошо, что мама всё ему объяснила. Он болен, он ещё ребёнок, а значит, закон над ним не властен.

— Ты всё сделал правильно, мой милый, — мама нежно обняла его и поцеловала в лоб. — Убивай любого, кто посмеет причинить тебе боль. Ты должен жить. Долго, счастливо и в полном спокойствии.

Линь Уцзю с облегчением закрыл глаза и протянул руки, отвечая на невидимое объятие.

— Хорошо, мама.

Дженни, приняв видимый облик, со сложным выражением лица наблюдала за этой сценой.

Улыбка на губах черноволосого юноши была на редкость безмятежной и ласковой. Его руки были странно согнуты, словно он прижимал к себе кого-то, кого не существовало в этой реальности.

Внезапно дверь в камеру Луи распахнулась от мощного удара ноги.

Линь Уцзю опустил руки. Его взгляд, устремлённый на вошедшего, светился явным неудовольствием — он не любил, когда его прерывали. В тусклом свете газовой лампы обрисовался массивный силуэт. Фигура замерла в дверях на несколько секунд, а затем, припадая на одну ногу, вошла внутрь.

«Ох, досадно. Свидетель. Если она заявит страже, будут проблемы. Но в барабане ещё остались пули»

Встретившись взглядом с маленькими, заплаканными глазками женщины, Линь Уцзю с удивлением не обнаружил в них ни страха, ни отвращения. Иоланда спокойным, оценивающим взглядом окинула юношу с ног до головы и едва заметно выдохнула.

— Цел? — коротко бросила она.

— Вполне.

Иоланда кивнула. Боком протиснувшись мимо него, она одним рывком взвалила труп на плечи и направилась к выходу.

— Вы куда? — спросил юноша.

— Избавлюсь от падали.

— Но... зачем вам это?

Женщина обернулась. Эта свирепая воительница попыталась изобразить некое подобие улыбки, но результат получился пугающим — она стала походить на маньяка из ночного кошмара.

— Ты заплатил за защиту!

Развернувшись, она потащила тело прочь, игнорируя любопытные взгляды, доносящиеся из соседних камер.

— За мной! — приказала она.

Линь Уцзю медленно улыбнулся. Разрядив револьвер, он спрятал его в карман брюк.

— Иду.

Он послушно последовал за Иоландой. Мощная спина женщины полностью скрывала его от посторонних глаз. То ли из-за ноши, то ли из-за раны она шла не слишком быстро.

Спустившись по лестнице, она остановилась у одной из камер первого этажа и грубо рявкнула:

— Залезай внутрь! И чтоб до рассвета носа не высывал! Понял?!

— Понял, — Линь Уцзю внимательно посмотрел на неё. — Как ваши раны?

— Не дождёшься, не сдохну! — огрызнулась Иоланда. — Кончай болтать и брысь в конуру. Ещё раз увижу, что открываешь дверь всякому сброду — лично шкуру спущу!

— Спасибо вам, — юноша тепло улыбнулся. — Знаете, вы очень красивая. Красивая, добрая и решительная. Можно, я сделаю вас героиней своего романа?

— Чего?! — она вытаращила свои крохотные глазки, синеватая метка на её щеке задрожала. — Ты что, пацан, издеваешься?! Жизнь надоела?!

— Я вовсе не шучу. Вы и вправду кажетесь мне прекрасной.

Черноволосый сорванец, словно начисто лишённый чувства страха, дерзко протянул руку и схватил её за рукав, капризно протянув:

— Ну пожалуйста! Ну очень прошу!

У женщины по коже побежали мурашки. Рука, до которой он дотронулся, внезапно ослабла, и у неё не нашлось сил даже для того, чтобы отвесить ему затрецину. Она простояла в оцепенении добрую минуту, прежде чем с силой вырвать рукав.

— Пошёл вон! С глаз моих! — прорычала она.

Поправив соскальзывающий труп на плече, она почти бегом бросилась к тюремным воротам.

Мама с упрёком произнесла:

«Милый, ты напугал эту леди»

Линь Уцзю разочарованно вздохнул.

— У тебя всё-таки очень странные вкусы, — подала голос Дженни, скривившись. — Только не говори мне, что ты в неё влюбился.

Она хотела лишь поддразнить его, но юноша, не моргнув и глазом, кивнул:

— Именно. Я её люблю.

И под ошеломлённым взглядом девочки он неспешно добавил:

— Я обожаю женщин — сильных, волевых и при этом способных на милосердие. Я убеждённый сторонник гиноцентризма.

Призрак лишь молча закатила глаза. Будь на его месте кто-то другой, она бы сочла это дешёвым флиртом, но она слишком хорошо знала Линь Уцзю. В его сердце не было места грязным похотливым желанием — лишь чистое, почти эстетическое восхищение красотой человеческого духа.

За всю свою долгую жизнь она не встречала существа более сложного, чем этот юноша. Ему было всего четырнадцать, формально он ещё оставался ребёнком, но она решительно не понимала, что творится в его голове.

— Ты ведь хотел проследить за Гаем? — напомнила Дженни. — План всё ещё в силе?

— Мы ещё можем его догнать? — удивился Линь Уцзю. Учитывая, сколько времени они потеряли, это казалось сомнительным.

— Я пометила его душу, так что найду его где угодно, — девочка гордо вскинула голову. —

Когда Иоланда влетела сюда, он как раз выскочил наружу. Сейчас он... Ой?

На её лице отразилось крайнее изумление.

— Что такое? — нажал Линь Уцзю.

— Он сейчас вместе с Иоландой... Похоже, он специально ждал её снаружи.

— Тогда поспешим.

Интерес юноши разгорелся с новой силой. Интуиция подсказывала: его ждёт некое важное открытие.

***

Иоланда размашисто шагала, неся на себе труп.

— Эй! Подожди меня! Куда ты так несёшься?! — Гай бежал следом, но при этом его шаги были абсолютно бесшумными. Аура этого человека была настолько слабой, что он казался почти призраком. — Ума не приложу, как ты умудряешься так быстро ковылять с покойником на плечах.

Она сердито зыркнула на него, но всё же сбавила темп.

— Куда мы идём?

— К реке Бун.

Это была самая полноводная артерия Города Санн. У её причалов всегда теснились торговые суда, а бурные воды скрывали в себе немало тёмных тайн. Именно в этот поток отец Луи когда-то швырнул тело Исаака.

Собеседник потёр подбородок и хрипло, по-крысиному рассмеялся.

— А ты всё-таки мировая женщина.

Иоланда не выдержала и отвесила ему чувствительный пинок. Тот даже не попытался уклониться. Издав преувеличенно жалобный стон, вор проворчал:

— Сколько в тебе агрессии... С таким характером ты никогда не выйдешь замуж.

Прежде чем женщина успела пнуть его снова, Норман поспешно вытащил из-за пазухи стопку бумаг.

— погоди! Я нашёл сведения о драконе!

Иоланда застыла как вкопанная. Она уставилась на спутника, её губы задрожали, а на лице отразилось полное смятение — она не знала, верить ли этой внезапной удаче. Через пару секунд она презрительно хмыкнула и, как ни в чём не бывало, продолжила путь.

— Опять ты за своё, — голос её звучал напряжённо. — Хватит вешать мне лапшу на уши. Ты уже клялся, что под тюрьмой заперт дракон. Ну и где он?

— Прямо под нами! Я не вру! Наземная часть тюрьмы Пентонвиль была пристроена гораздо позже, — вор семенил следом, яростно отстаивая свою правоту. — Я потомок легендарного вора! На картах, что передал мне предок, здесь чётко обозначено логово дракона! И задание моего заказчика это лишь подтверждает!

Он бросил пылкий взгляд в сторону тюремных стен.

— Помяни моё слово! Придёт день, и я украду этого дракона! Фамилия Рэндольф снова станет легендой в воровском мире!

Иоланда облизнула сухие губы. В её груди словно развели костёр, причинявший ей почти физическую боль. Сколько раз она приказывала себе не питать пустых надежд, зная, что этот Рэндольф — мастер приврать и в его словах правды не больше, чем в сказках для детей? Но она снова, в который уже раз, была готова проглотить его наживку.

— И что же ты узнал?

Гай многозначительно помахал рукописью, прочистил горло и с важным видом начал:

— Только не упади, когда услышишь...

Он хотел было набить себе цену, расписав, каких трудов ему стоило добыть эти сведения, но, встретив яростный взгляд собеседницы, тут же поник и скороговоркой выпалил:

— Автор этой рукописи, «Король Ореховой Скорлупы» — и есть Древний золотой дракон Адонис!

На мгновение Иоланда забыла, как дышать. Она не раз слышала это имя. В сказках её детства, в «Книге всех драконов», что веками хранилась в её семье, имя Адониса возникало вновь и вновь.

Он был воплощением мощи. Абсолютной, сокрушительной силы. Тот, кто сумел бы покорить его, обрёл бы славу, равную богам! Он был последним из Древних драконов, чьё присутствие было задокументировано людьми, но это случилось добрых пятьсот лет назад. С тех пор драконы исчезли. Эти могущественные существа, способные одним взмахом крыла стирать города, постепенно превратились в мифы.

Весь мир твердил, что драконы — лишь плод воображения, а «Книга всех драконов», передаваемая в семье Гарсия, — бред сумасшедших.

Женщина сбросила труп Луи на землю и вырвала рукопись из рук Рэндольфа. Её карие глаза миг изменились — зрачки превратились в узкие вертикальные щелки, позволяя ей видеть текст даже в глубокой темноте.

Постепенно она начала дрожать. Дрожь была настолько сильной, что со стороны могло показаться, будто у неё начался припадок. Сердце колотилось так яростно, что она всерьёз испугалась, не разорвётся ли оно.

Она хрипло, надрывно дышала. Слёзы застилали взор, мешая читать. Она грубо вытерла глаза рукавом, но они тут же снова наполнялись влагой. Всего пять листов, но она читала их бесконечно долго, смакуя каждое слово, каждую букву.

Дойдя до последней строки, она подняла голову. Её лицо, залитое слезами, казалось, только что вынули из воды.

— Это дракон... Это он... Адонис! — Иоланда разрыдалась в голос. Её искажённые горем и радостью черты стали ещё страшнее. — Он жив! Дракон всё ещё жив!

Гай искренне, от всей души порадовался за неё.

— Да, это просто невероятно. Живой дракон...

Он посмотрел на неё с глубоким сочувствием. Он помнил их первую встречу. Иоланда тогда разделывала тушу. Кровь заливала её одежду, синеватая метка на щеке на фоне парящей плоти делала её похожей на выходца из ада. Он долго колебался, прежде чем решиться подойти.

— Гарсия? — спросил он тогда.

Женщина, сжимая тесак и ступая по зловонным потрохам, припадая на одну ногу, направилась к нему.

— Рэндольф?

Тогда он наконец выдохнул. Он не ошибся. Несмотря на опасения, он протянул ей руку:

— Норман Рэндольф. Потомок легендарного вора.

Гарсия переложила тесак в левую руку, наскоро вытерла правую о штаны и с силой сжала его ладонь.

— Иоланда Гарсия. Последняя Убийца драконов.

<http://bllate.org/book/15857/1437656>